

Николай Семенович Лесков

Обуянная соль

Лесков Николай Семенович
Обуянная соль

Николай Семёнович Лесков

Обуянная соль

(Литературная заметка)

Соль - добрая вещь, но если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уж ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон.

Моя мимолетная беседа в рождественском номере "Петербургской газеты", к удивлению моему, не перестает беспокоить некоторых писателей и других серьезных особ, от которых я и получаю укоризны словесные, письменные и печатные. Я рассказал, как обворованный не захотел искать вора, а мне хотят доказать, что этим дан дурной, "соблазнительный" пример, ибо прощать человеку преступление не должно, а непременно надо виновного судить и наказывать. В одной газете еще сильнее сказано: "следует казнить". По твердости и решительности тона, каким это высказывается, я должен думать, что требование "казней" исходит от лиц совершенно чистых и безгрешных, которым не страшно поднять и бросить камень в виноватого, и я

прежде всего признаю за ними в этом отношении их огромное надо мною преимущество: я не так чист сам, чтобы швырять камень в другого. Мне, может быть, не следовало бы и разъяснять, что ошибочно в этих суждениях, но я это сделаю не для себя, а для молодых писателей, перед которыми не только меня укоряют за "соблазн", но и порицают старый добрый литературный идеал, на место которого рекомендуют принять нечто другое, по моему мнению, нимало не высшее, а, напротив, гораздо низшее и притом совершенно несвойственное духу, в каком следует вести рождественскую беседу. Я чувствую себя призванным разъяснить, что идеал, которого я держался, вполне разумен и благороден, что простить обидчика гораздо выше, чем сказнить его, и что в рождественском рассказе, - с тех пор как эта литературная форма вошла в употребление, - всегда было принято представлять сюжет, смягчающий сердце, и трактовать этот сюжет в духе Евангелия, а не в духе политической экономии или Устава о предупреждении и пресечении преступлений. В трех случаях, о которых я писал в

рождественском номере, рассказано о двух людях, которые не захотели преследовать судом обидчиков, посягнувших на их собственность, и о третьем, который получил неудовольствия по поводу осуждения вора. Я отнюдь не порицал тех, кто ищет своих пропаж и предает похитителей судье и истязателю, а я только рассказывал в день Рождества Христова о таких людях, которые были столь милостивы, что не захотели искать и наказывать своего обидчика. И мне кажется, что это нимало не преступно и не соблазнительно, ибо всем известно, что милосердие должно ставить выше отместки и прощение выше наказания. Я думаю, нет нужды называть, кто учил нас этому и сколько есть всем известных характерных текстов на эту тему. И до сих пор это не вызывало ни раздражения, ни спора, ни гнева в литературе. И на театре нам показывали, как купец Гордей Торцов прощал мота и пьяницу Любима, и в исторических рассказах передавали, как известный хлебосол Разумовский посылал дорогой прибор гостю, на которого пало подозрение, что он украл одну ложку с этого прибора... Не по-

лиции о нем заявил, а дослал ему то, что им было недобрано... И множество подобных вещей никогда не почитались за "соблазн" и за "расшатывание порядков жизни", а теперь вдруг такой оборот, что такие же самые движения сердца почитаются за дурное и за вредное!.. Что за искушение! Идеал и взгляд в нашей литературе нынче, значит, изменились, и изменились они не к лучшему, а к худшему, так как евангельский идеал, к которому до сих пор проникалась уважением литература, без сомнения, выше правды всякого судейника. Стараясь склонять литературу к тому, чтобы она вместо заботы об умягчении сердец прилагала усилие внушать беспощадность к преступнику, есть дело недостойное доброго и рассудительного писателя. Как сделать, чтобы высший христианский идеал прощения привести в согласие с политической экономией и Уставом о предупреждении и пресечении, этого я не знаю и думаю, что это к обязанностям изобразительной литературы нимало и не относится; но я знаю, что литература должна искать высшего, а не низшего, и цели евангельские для нее всегда должны

быть дороже целей Устава о предупреждении. Нам дано ясное указание: "Голос вопиет: уравнивайте стези, по которым идет спасение". Спасение же общее для всех "в любви, в прощении обид, в милосердии ко всякому - к своему и к самарянину", а цель и радость в том, что при общем смягчении сердец "мечи будут перекованы на сошники, и мир Божий водворится в сердцах всех людей", и, когда исправится в злобе своей человек, тогда он исправит всю природу до того, что "ягненок будет лежать возле льва, и лев не станет вредить ему". Мы чувствуем, что дело идет к этому, и верим тому, за кем хотим следовать, почитая учение его за самое совершенное и спасительное для человеческого рода. Если же литература отступит от этого высокого и верного направления и предаст себя на служение целям политической экономии или Уставов о пресечении, то она, несомненно, уклоняется от своего высшего назначения - "чувства добрые в сердцах чтоб пробуждать", и является в низшей роли, "как бы рабынею чуждого господина". И тогда ею уже нельзя осолять гнилость, а она будет то, что "обуянная соль, по-

терявшая свою соленость, которую остается выбросить вон". К этому ее, очевидно, и толкают, и ногами на нее топают литературные слепцы, "отцеживающие комара и проглатывающие верблюда". Это может подавать молодым писателям самый дурной и вредный пример, и писатель, прошедший долгий путь жизни, обязан указать на эту опасность - что я и делаю.